

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

П.А. Дементьев

Новосибирский государственный
технический университет

peter.dementiev@yandex.ru

В статье обосновывается понимание проблемы восприятия России сквозь призму стереотипов западного сознания и возникающих в данной связи трудностей в межкультурном взаимодействии. В основе межкультурного взаимодействия лежат системы ценностей, из которых формировались нормы человеческого поведения. Данные нормы поведения лежат в основе формирования социальных стереотипов, необходимых для освоения окружающей действительности. Социальные стереотипы привели к тому, что сложные и многогранные явления в чужой культуре воспринимались искаженно или в корне не верно. Далее в качестве примера приводится агрессивная международная политика США, опирающаяся на систему стереотипов и догм. Также приводятся примеры проецирования на Россию устоявшихся стереотипов и аргументы, доказывающие их несостоятельность. В статье подробно анализируются работа американского путешественника и натуралиста Дж. Кенна на с точки зрения трансляции набора западных социальных стереотипов и их опровержением Дж. Кеннаном. Те выводы, к которым приходит автор, не потеряли свою актуальность по отношению к России и в настоящее время. Новизна исследования заключается в том, что данная проблема рассмотрена при помощи аксиологического подхода.

Ключевые слова: восприятие России, межкультурное взаимодействие, социальные стереотипы, разные системы ценностей, социальные группы, культурная среда.

DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.2-69-78

Каждый народ оценивает другие народы в рамках собственного типа восприятия и знания, которые зависят от социально-культурных и других особенностей, и потому могут быть весьма далеки от реальности. В процессе международного общения наблюдается тяготение к использованию своего опыта в форме проекции исторических прецедентов на настоящее время в форме схематизации мыслимых интересов и целей других народов. Ценности появляются на свет через творчество отдельных людей, но их существование в культуре зависит от признания их в социуме. В свете принимаемых в культуре ценностей происходит процесс взаимопроникновения культур, связанный с постижением «чужого» че-

рез мифологизированные стереотипы освоения действительности, одним из которых является образ «другого». Этот неведомый мир субъективируется человеком, и он относится к этому миру как к «своему иному», неосознанно распространяя на него свое предвзятое отношение. Культура на начальном уровне представляет воплощенную конкретную ценность, а не абстрактный идеал. На основе таких ценностей формируются нормы человеческого поведения, которые в свою очередь задают стереотипы освоения действительности. Из вышесказанного можно сделать вывод, что система ценностей является фундаментальной основой для возникновения и существования социальной группы, нации и государства в целом.

По отношению к процессу включения людей в структурные образования, наблюдаемые в процессе организации культуры, важно выявить основания их взаимодействия. Установлением этих оснований на этнографическом материале занимался отечественный историк Б.М. Поршнев [6, с. 187], который эмпирически выявил наличие различий «свой–чужой», фиксируемых первичной этнической культурной группой (пра-обществом).

«Граница между “своими” и “чужими” предполагала полное отторжение нормативного восприятия социальной активности со стороны чуждой культуры и безоговорочное следование активности индивидов нормативному регулированию со стороны собственной культуры» [1, с. 54]. Согласно Б.Ф. Поршневу, в действие включались механизмы негации (полного отрицания) нормативного содержания чуждой культуры, которую этот исследователь обозначил как контрсуггестивность, или полную закрытость сознания индивидов от внушения извне. Суггестия как процесс противоположный контрсуггестии, подразумевает полную открытость внушению в рамках «своей» культуры, когда «свое» сообщество подчиняет себе индивида. В первом случае индивид контрсуггестивен по отношению к сообществу, во втором – полностью суггестивен. Далее Б.Ф. Поршнев фиксирует моменты контр-контрсуггестии, когда происходит снятие запрета на восприятие внешнего мира.

Кроме того, по мнению А.Г. Здравомыслова, у каждого этноса или национальной группы существует собственный набор референтных групп. При этом в каждом национальном самосознании складывается своеобразная иерархия значимых инациональных общностей. Так, в русском наци-

ональном самосознании обязательно присутствуют образы немцев, англичан, американцев, французов, евреев.

Таким образом, выявилась следующая закономерность: социально-психологические процессы контр-контрсуггестивного плана представляют собой саму возможность межкультурного взаимодействия и формирования групп и индивидов-трансляторов культуры, наличие которых позволяет формировать совокупности людей, создающих новую культуру.

Как уже было сказано, в основе культуры лежит система ценностей или тот социальный образец, который необходим людям для оценки «иной» культуры.

Враждебное восприятие других народов является одним из основных элементов становления нации, так как в национальном самосознании присутствует латентный потенциал конфликта, связанный с ограничением и противопоставлением в отношении к «чужому», «иному», присутствующий в ценностях сознания.

По мнению О. Дробницкого, «К ценностям сознания, относят общественные установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений о добре и зле, справедливости и неправде, прекрасном и безобразном, о смысле истории и назначении человека, идеалы, нормы и принципы действия» [7, с. 462].

Приведу еще одну формулировку восприятия внешнего окружения через систему ценностей: «Ценность, еще не раскрытая человеку индивидуального предметного содержания объектов и законов его деятельности, кодирует это содержание в виде готовых регулятивов и оценок, позволяет ему действовать в сложной социальной действительности, следуя сложившим-

ся стереотипам, формулам и установкам» [7, с. 463].

Первоначально индивиды – трансляторы культуры – пытались донести систему ценностей «иной» культуры через упрощенные картинку восприятия реальности или стереотипы.

Понятие «социальный стереотип» ввел в 1922 г. американский журналист Уолтер Липман в своей книге «Общественное мнение», определив его как: «упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта, но обуславливающее заданное восприятие и понимание окружающей действительности... Человек сначала представляет мир, а потом уже видит его». Действительность слишком сложна и изменчива для непосредственного знакомства с ней. Человек перестраивает окружающий мир по «простой модели». В современной науке социальный стереотип квалифицируется как схематическое, стандартизированное представление о каком-либо объекте или явлении, обычно обладающее эмоциональной окраской и большой устойчивостью [8, с. 240]. Чем более многогранное и сложное явление упрощено до стереотипа, тем дальше упрощенная картинка будет находиться от реальности.

Отечественный исследователь И.А. Шейдина в своей работе «Невоенные факторы силы во внешней политике США», дает еще одно определение стереотипа. «Стереотип как элемент социальной психологии обладает высокой устойчивостью; эта устойчивость позволяет стереотипам играть роль ориентиров при вынесении суждений о явлениях окружающей действительности в ходе осмысления последней. Стереотипы способны создать псевдодействительность. Процеживаемая через

стереотипы информация дает возможность человеку приспособиваться к реальной действительности, основываясь на псевдодействительности, существующей в его голове... Новая информация может вносить коррективы в эту картину, но в целом человек и в дальнейшем остается зависимым от стереотипов в своем представлении о мире, поскольку они помогают ему внести определенный порядок в хаос ощущений» [8, с. 241]. Из всего этого следует, что люди в большинстве своем воспринимают этот мир через призму стереотипов, подгоняя реальные факты под свое представление о них, поэтому именно стереотипы становятся основой для предрассудков, иллюзий и заблуждений.

Ярким примером проводимой международной политики при помощи стереотипов и догм является политика, проводимая США и поддерживающего их Евросоюза. Почему же США ведут себя так агрессивно на внешнеполитической арене?

Дело в том, что еще со времен «отцов-основателей» существовало убеждение, что военная сила – главный фактор успешной внешней политики. Это утверждение является фундаментальным для политологической и исторической школ «реальной политики», являющихся доминирующими в США. В основе «реальной политики» лежит идеология прагматизма. Разработчики данной идеологии – Уильям Джеймс и Джон Дьюи. Можно с уверенностью утверждать, что идеи прагматизма по существу продолжают силовые философские концепции Ницше и Фихте.

Одними из первых историков, представлявших школу «реальной политики», были Генри и Брукс Адамсы. Они рисовали картину мира в виде непрерывно сталкивающихся «силовых потоков», и для того,

чтобы доминировать в мире, нужно овладеть «источниками энергии». Адамсы призывали США взять на себя миссию завоевания и объединения всего американского континента и пространств Азии, поскольку в конце XIX в. Соединенные Штаты становятся центром имперского строительства. Б. Адамс доказывал, что испано-американская война – это лишь начало американского триумфа в борьбе за мировое господство. Среди его конкретных указаний будущих экспансий есть интересное для нас направление: «Я полагаю, что нам суждено реорганизовать азиатскую часть той гигантской хаотической массы, которая именуется Россией... И, честное слово – мне это нравится» [8, с. 16].

Еще дальше в своих притязаниях пошел другой идеолог американского мессианства Фиске. В своей «тевтонской теории демократии» он восхваляет англосаксонскую расу и предрекает ей мировое господство. Следующий этап в мировой истории будет связан с доминированием этой гениальной экономической и политической системы во всем мире. «В заключение достаточно указать, – писал Фиске в 1885 г. в эссе под названием «Явное предназначение», – что той работе, которую начала английская раса, когда она колонизировала Северную Америку, предназначено продолжаться до тех пор, пока каждый участок суши, еще не являющийся местожительством старой цивилизации, не станет английским по языку, по своей религии, по своим политическим обычаям и традициям и в преобладающей степени по крови... Таким образом, раса распространится на обоих полушариях и от восходящего до заходящего солнца будет удерживать свой суверенитет на море и то торговое превосходство, которое она начала приобретать, когда Англия впервые

протянула руку через Атлантику к берегам Вирджинии и Массачусетса» [8, с. 58].

В контексте этой политической доктрины перестает казаться необычным вывод, сделанный американским путешественником Джорджем Кенаном, который он сделал, путешествуя по Сибири в конце XIX в. После детального анализа Томской губернии и приведенных им статистических данных следует вывод: «Эти статистические данные убеждают в том, что, несмотря на скверное управление, ограниченную иммиграцию и деморализующее влияние уголовных ссыльных, Томская губерния не совсем бесплодна или нецивилизована. Если бы она находилась в руках американцев и если бы сюда была разрешена свободная иммиграция из Европейской России, она скоро стала бы столь плотно заселена и так же процветала бы, как любой из наших северо-западных штатов. Ресурсы ее почти неисчислимы, и все, что ей требуется, это хорошее управление и свобода для развития частного предпринимательства». [4, с. 264].

Из данного утверждения следует, что еще в XIX в. США рассматривали Сибирь как территорию для осуществления своей экспансии.

Российский философ В.В. Крюков в своей работе «Введение в аксиологию» приходит к выводу, что мессианство – это болезнь, присущая многим течениям и доктринам.

«Историческое мессианство – известная болезнь. Ей были подвержены такие религии, как христианство и ислам; такие националистические движения, как расизм, фашизм и шовинизм; такие политические доктрины, как коммунизм. Процесс синтеза общечеловеческой цивилизации воспринимается идеологами американского мес-

сианства как процесс унификации жизни народов и государств, подгоняя их под общие идеалы понимаемой ими демократии. Все что под этот шаблон не подходит, объявляется «тупиками» исторического развития» [2, с. 62].

Одним из ярких примеров искаженной передачи действительности и своих стереотипов являются путевые заметки французского транслятора культуры аббата Жана Шаппа д'Отероша. В своих заметках «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году», он наглядно демонстрирует восприятие России через западную систему ценностей. Официальная задача путешествия «адъюнкта-астронома» – наблюдение в Тобольске прохождения Венеры по диску Солнца, которое предполагалось 6 июня 1761 г., а фактически, как считает французский историк Э. Каррер д'Анкосс, Людовику XV необходимо было иметь достоверную информацию о ситуации в России для точного определения своей внешней политики.

В начале своего повествования Ж. Ш. д'Отерош описывает Московию как суровую и мрачную полярную пустыню. Дорога из Риги до Санкт-Петербурга заняла у него два с половиной месяца. Вот как он ее описывает: «...холод причинял невероятные страдания, к коим мы были отнюдь не привычны... ветер швырял снегом с таким неистовством, что лошади цепенели на каждом шагу и невозможно было сдвинуть их с места. Сей жесточайший холод, достигал двенадцати с половиной градусов в полдень» [5, с. 73].

Следующим историческим стереотипом является описание российской социально-политической системы. Автор красочно передает царящую в стране атмосферу страха и насилия, устроенную рос-

сийскими государями. «Высшее сословие наравне с другими несет чудовищное ярмо рабства, не смея даже помыслить о соперничестве с тронном... вельможи приближаются к трону трепеща, – малейшего навета достаточно, дабы любого из них сослали в Сибирь, а имущество конфисковали» [5, с. 119].

Несмотря на то, что аббат д'Отерош подверг уничтожающей критике российскую социально-политическую систему, это не помешало ему в своем произведении заняться восхвалением императрицы Екатерины II.

После издания этой книги на аббата обрушился шквал критики как во Франции, так и в России. Во Франции просветители ставили под сомнение его знание русского языка и русской истории. В России анонимный автор выпустил целую книгу «Антидот», в которой методично разбираются утверждения аббата. Многие историки склонны приписывать авторство Екатерине II. В частности, в главах «Путешествия в Сибирь», где описываются климат и топография Сибири, оппонент аббата указывает на заимствования, сделанные им из книг Штраленберга и других путешественников, которые никогда не посещали российские земли: «между Ледовитым океаном и широтою Петербурга». Источник противоречий, по мнению автора «Антидота», находится там, «где кончается невежество и начинается недоброжелательство» [5, с. 273].

Прошло почти сто лет, и уже другой транслятор культуры: американец, журналист, писатель, путешественник, ученый, Джордж Кеннан отправляется исследовать неизвестную территорию под названием Сибирь, побывав там дважды, причем первый раз случайно.

По возвращении на родину Кеннан в сентябре 1870 г. издает книгу о своих приключениях в Сибири под заглавием – «Кочевая жизнь в Сибири и приключения среди коряков и других племен Камчатки и Северной Азии».

В феврале 1882 г. Кеннан выступает перед членами Нью-Йоркского географического общества с лекцией: «Сибирь – место ссылки». Имея весьма смутные представления о системе наказаний, он авторитетно заявлял, что предпочел бы пожизненную ссылку в Сибири пятилетнему заключению в государственной тюрьме штата Огайо. Так как Кеннан подкреплял свои выводы данными из официальных русских источников, то в правдивости его выводов мало кто сомневался.

Почему же этот вопрос в западном обществе пользовался большой популярностью? В Петербурге в 1881 г. террористами из социалистической организации «Земля и воля», идеологом которой выступали Александр Герцен и Николай Чернышевский, был убит российский император Александр II. Главной задачей данной организации была пропаганда идей крестьянской социальной революции. Убийство императора по их планам должно было послужить сигналом к всеобщей революции. Вместо этого вступивший на престол сын убитого императора Александр III разгромил организации революционных народников «Народная воля», «Черный передел» и другие. Организаторов убийства через месяц показательно повесили. Лидеры, избежавшие ареста, в основном скрылись за границей.

Главным выразителем новой имперской идеологии стал обер-прокурор Священного синода Константин Победоносцев. Именно он являлся автором возникше-

го в западных странах стереотипа, что нигилисты – это кучка оголтелых фанатиков. Русское правительство изо всех сил старалось утвердить именно этот взгляд на революционеров и представить исправительную систему как одну из лучших в мире. Такая картина изображалась в произведении Генри Лэнселла «По Сибири», изданном в Лондоне в 1882 г. И хотя основной целью путешествия было распространение Евангелия и другой религиозной литературы, это не помешало ему, не зная русского языка, сделать следующий вывод: «Русский ссыльный, если он хорошо ведет себя, может жить в Сибири лучше, чем во многих других местах ссылки, и так же хорошо, как во всех остальных» [5, с. 47].

Эта точка зрения была подвергнута жесткой критике проживающими в Лондоне С.М. Степняк-Кравчинским и П.А. Кропоткиным, а поскольку Кеннан поддерживал автора «По Сибири», то досталось и ему. «Г-н Кеннан счел, что пребывание в качестве служащего Оверлэндской телеграфной компании на берегах Охотского моря – приблизительно в каких-нибудь нескольких тысячах верст от карательных учреждений Сибири – дает ему основания авторитетно рассказывать о сибирских тюрьмах и заключенных в них. Что удивительного, что его сведения решительно опровергаются теми русскими, которые основательно изучали жизнь заключенных в Сибири?» [5, с. 34].

Так же Кеннан подвергался нападкам и своих соотечественников. Все это привело к тому, что Кеннан принял решение отправиться в Сибирь. В результате чего появилась на свет книга «Сибирь и ссылка». В этой работе дается точная и абсолютно объективная характеристика ссыльной системы, основанная на личных наблюдени-

ях, статистических данных, а так же на рассказах чиновников ссыльной системы и заключенных.

С научной точки зрения эта работа интересна прежде всего тем, что в ней были озвучены стереотипы, которые были у представителей западного мира по отношению к Сибири, а так же описанием сибирских ландшафтов и сравнением их с американскими. Вот как Кеннан объясняет свой интерес к Сибири: «для среднего американца в ту пору это была такая же terra incognita, как Центральная Африка или Тибет.

Автор утверждает, что в сознании американцев сложился стереотип восприятия Сибири: «Люди обыкновенно считают, что Сибирь – это приполярная колониальная область, примерно такая же большая, как Аляска, что там везде холодно, земля бесплодна и большую часть года она покрыта снегом и что ее неплотно рассеянное население состоит в основном из ссыльных и полудиких туземцев, а так же из немногочисленных солдат и чиновников, надзирающих за острогами, тюрьмами и рудниками и охраняющими их» [5, с. 92].

Ознакомившись с годовой отчетностью инспектора по наблюдению за транспортировкой ссыльных, он пришел к выводу, что такой смертности не найти нигде в мире за пределами России. Далее следует интересная статистика: «В тюрьмах Франции средняя смертность составляет около 3,8 %, в тюрьмах Австрии – 3,5 %, в тюрьмах Бельгии и Дании – 1,8 %, в тюрьмах Соединенных Штатов – от 1,7 до 2 %, а в тюрьмах Англии – 1,4 %. В Тюменской пересыльной тюрьме средняя смертность составляла 29,5 %, или 300 человек на тысячу, иногда эта цифра достигает 44,1 %» [5, с. 142]. Далее следует рассказ об американских каторжных колониях и приводится

процент смертности работающих на строительстве железных дорог: «в 1879 г., составляла чуть меньше 11,5 %, – а эта цифра выше процента смертности, зафиксированного в Новом Орлеане во время большой эпидемии желтой лихорадки 1853., ... и намного превышает смертность от самого страшного мора, когда-либо обрушивавшегося на Европу в средние века» [5, с. 143].

Следующий стереотип, который демонстрирует Кеннан в своем произведении, это сформировавшийся образ нигилиста. ...Нигилисты, «точно маньяки эпохи французского террора, слишком чутко реагируют на существующее зло, чтобы видеть какой-то иной путь из него, кроме сплошного разрушения. Разрыв с национальным прошлым не страшит их, поскольку они уже порвали с ним. Преступление не останавливает их, так как граница между добром и злом уже сметена» [5, с. 292]. Соответственно Кеннан представлял их себе, как мрачных непонятных существ, не без образования, но фанатиков, способных к самопожертвованию и воспринимающих мир исключительно иллюзорно. Он еще перед встречей решил, что «...намеревался беспристрастно выслушать все, что они имеют против правительства, но полагал, в результате подтвердится то мнение, которое у меня уже составилось» [5, с. 292]. Данное утверждение в очередной раз подтверждает то, что сложившиеся стереотипы обладают высокой устойчивостью. Далее он озвучивает сформировавшееся на западе мнение о нигилизме.

«Нигилизм – это взрывчатая смесь, образовавшаяся в результате соединения славянского характера и западных идей» [5, с. 292]. Каково же было его удивление, когда он увидел перед собой скромного, приятной наружности молодого человека,

похожего на молодого ученого, «...если бы я встретил его в Вашингтоне и меня попросили бы угадать его профессию по внешнему облику, я бы сказал, что он связан с Геологической службой Соединенных Штатов, со Смитсоновским институтом или с Национальным музеем» [5, с. 193].

Даже его сформировавшиеся стереотипы не смогли дать подходящей трактовки увиденного.

В то время в Западной Европе и в Соединенных Штатах существовало представление, что все недовольные властью в России объединены в партию нигилистов, эта партия добивается своих целей только путем насилия. Само понятие нигилизм кажется чем-то загадочным и непонятым. Изучив революционную литературу, и лично встретившись с сотнями политических ссыльных, Кеннан пришел к выводу, что в России нет партии, организации или группы людей, которых можно назвать нигилистами. Для полноты картины исследования Кеннан делит политических ссыльных на три категории: либералов, революционеров и террористов.

Автор для подтверждения своих выводов, сделанных в процессе общения со ссыльными, приводит высказывания профессора Ломброзо: «настоящие революционеры, то есть зачинатели великих научных и политических переворотов, почти всегда являются гениями или святыми и отличаются замечательно гармоничным обликом. В результате изучения 321 нашего итальянского революционера выяснилось, что к преступному типу принадлежат лишь 0,57 %, т. е. на 2 % меньше, чем у обыкновенных людей. Из 30 известных нигилистов у 18 очень красивые лица, у 12 имеются отдельные аномалии и лишь 2, т. е. 6,8 %, представляют преступный тип... Рас-

сматривая фотографии 50 коммунаров, я обнаружил, что к преступному типу принадлежат 12 % из них, а 10 % – к типу душевнобольных. Из 41 парижского анархиста, преступный тип составлял 31. Я смог изучить фотографии 43 чикагских анархистов и обнаружил среди них 40 % преступников» [5, с. 308]. Что же заставляет молодых людей пожертвовать всем ради абстрактных идеалов? Основным мотивирующим фактором, заставляющим людей совершать подобные поступки, является система личностных ценностей.

Они образуют систему ее жизненных ориентаций, являясь совокупностью важнейших качеств внутреннего содержания человека. Эти ценностные ориентации и образуют основу поведения индивида и оказывают непосредственное влияние на его развитие. Если рассматривать ценностные ориентации как целевые ориентиры поведения личности, то можно прийти к выводу, что они охватывают все содержание его бытия. Из этого можно сделать вывод, что большая часть образованной молодежи, будущая элита страны оказалась раздавленной бюрократической машиной, была вынуждена заживо гнить в Карийских и Нерчинских рудниках. Естественно такая ситуация потрясла Кеннана, но вместе с тем он старался сохранить объективное изложение ситуации. Так рассказывая об ужасах и переполненности тюрем и этапов, Кеннан пишет, что русское правительство выделяет громадные деньги на содержание этапов и строительство новых. В качестве доказательства он приводит слова одного инспектора, прямо говорившего, что если собрать все деньги, отпущенные на содержание и строительство этапов, то их хватало бы на возведение вереницы этапов из чистого серебра от Томска до Иркут-

ска. Другая причина такого положения вещей, по мнению Кеннана, кроется в Русской бюрократии и межведомственной волоките, благодаря которой между ведомствами десятилетиями гуляют предложения по улучшению ссыльной системы. Прошло более ста лет, а эти причины и сейчас смело можно назвать одними из главных современных проблем российской политической модели.

В заключении хотелось бы отметить, что проведенный в данной работе анализ позволяет сделать вывод, что проблема межкультурного взаимодействия через систему исторических стереотипов имеет двойственный характер. Первоначально они помогали быстрее сориентироваться путешественникам или дипломатам, а также разведчикам в незнакомой или даже во враждебной культурной среде.

Сегодня уровень науки и коммуникаций практически не оставил белых пятен на картах и в межкультурном взаимодействии. Однако когда-то появившиеся стереотипы во многом пережили те эпохи и даже те культуры, в которых они появились. Сегодня они являются регрессивным фактором, мешающим полноценному культурному взаимодействию между странами и обедняющему его. Поэтому можно с уверенностью заявить о необходимости избавления от мышления стереотипами в межкультурном и межгосударственном взаимодействии.

Применение аксиологического подхода в данном вопросе позволяет по-новому

взглянуть на проблему межкультурного взаимодействия в современном обществе, что особенно актуально для социальной философии в силу ее междисциплинарного характера, а также теоретической и практической значимости изучения обозначенной проблематики для настоящего и будущего межкультурного и межгосударственного общения.

Литература

1. *Здравомыслов А.Г.* Динамика национального самосознания россиян и этнополитические конфликты // Обновление России: трудный поиск решений. 1992. – Вып. 4. – С. 52–67.
2. *Крюков В.В.* Введение в Аксиологию. – Новосибирск, 2001. – 76 с.
3. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 1. – С. 296.
4. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка / Дж. Кеннан. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 2. – С. 279.
5. *Каррер де Анкосс Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа де Отероппа. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 248 с.
6. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // Историческая психология и социология истории, 2010. – Т. 3, № 2. – С. 185–219.
7. *Философская энциклопедия: в 5 т.* – Москва: Советская энциклопедия, 1970, – Т. 5. – С. 462.
8. *Шейдина И.А.* Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М.: Наука, 1985. – 362 с.

THE PERCEPTION OF RUSSIA THROUGH THE PRISM OF WESTERN VALUES

P.A. Dementiev

Novosibirsk State Technical University

peter.dementiev@yandex.ru

The paper is concerned with the perception of Russia through stereotypes of the Western mind and ensuing problems in intercultural communication. Cross-cultural communication is based on systems of values, which gave rise to standards of human conduct. These standards serve as a basis for social stereotypes, which are necessary for the mastering of reality. Social stereotypes have led to distorted or absolutely wrong perception of complicated phenomena in other cultures. This idea is illustrated by the example of the aggressive foreign policy of the United States, which is based on a dogmatic system of stereotypes. Also, it is shown how embedded stereotypes are projected onto Russia, and arguments are given to disprove them. A publication of American traveler and explorer G. Kennan is subjected to a detailed analysis in terms of transmission of Western social stereotypes and their disproof by the author himself. Kennan's conclusions continue to be relevant to present-day Russia. The novelty of the study consists in the application of the axiological approach.

Keywords: perception of Russia, intercultural communication, social stereotypes, different value systems, social groups, cultural milieu.

References

1. Zdravomyslov A.G. *Dinamika natsional'nogo samosoznaniya rossiyan i etnopoliticheskie konflikty* [Dynamics of Russian national identity and ethnic and political conflicts] // *Obnovlenie Rossii: trudnyi poisk reshenii* [Update Russia: a difficult search for solutions]. 1992, iss. 4, pp. 52–67. (in Russian)
2. Kryukov V.V. *Vvedenie v aksiologiyu* [Introduction to Axiology]. Novosibirsk, 2001. 76 p. (in Russian)
3. Kennan Dzh. *Sibir' i sylka* [Siberia and the exile]. – SPb., 1999. Vol. 1. 296 p. (in Russian)
4. Kennan Dzh. *Sibir' i sylka* [Siberia and the exile]. – SPb., 1999. Vol. 2. 279 p. (in Russian)
5. Karrer de Ankoss E. *Imperatritsa i abbat. Neizdannaya literaturnaya duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha* [Empress and the abbot. Unpublished literary duel of Catherine II and the Abbe Chappe de Oterosha]. Moscow: OLMA PRESS Publ., 2005. 248 p. (in Russian)
6. Porshnev B.F. *Kontr suggestiya i istoriya (elementarnoe sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie i ego transformatsii v razvitiu chelovechestva)* [Kontr suggestiya and history (basic socio-psychological phenomenon and its transformation in human development)] // *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2010. Vol. 3, no. 2, pp. 185–219. (in Russian)
7. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 tomah* [Philosophical Encyclopedia: in 5 volumes]. – Moscow, 1970, Vol. 5, 462 p.
8. Sheidina I.L. *Nevoennyye faktory sily vo vneshnei politike SShA* [Non-military factors force in US foreign policy]. – M. : Nauka [Science] Publ., 1985. 362 p.